

DOI 10.15826/izv2.2016.18.3.045
УДК 316.356.2 + 94(470)“1918/1922” +
+ 314.02 + 329.8

Л. Н. Мазур
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

СЕМЬЯ КОММУНИСТОВ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (по материалам Всероссийской партийной переписи 1922 г.)*

В статье рассматривается влияние идеологических факторов (коммунистических идей) на трансформацию семьи в советской России, изменение ее размеров, функций, структуры, правовых основ. В 1920-е гг. шло активное реформирование семьи, в основе которого лежали как объективные факторы, связанные с модернизацией общества, так и субъективные. В этом смысле советский опыт сегодня рассматривается как попытка сознательного конструирования общественных процессов с целью претворения в жизнь идеальных представлений об обществе будущего. Одним из последствий реформирования семьи в 1920-е гг. стало появление множества ее вариантов, сложившихся, в том числе, под влиянием идеальных представлений.

Анализ раннесоветской семьи опирается на изучение уникального источника — материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. На их основе была проанализирована семейная структура членов партии. Изучение семьи коммунистов интересно тем, что они представляли собой социальную группу, наиболее подверженную влиянию идеологических факторов. По состоянию партийной среды можно судить о тенденциях, направленности и глубине изменений семейной организации раннесоветского общества в целом.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Советская Россия; 1918–1920-е гг.; реформирование семьи; Перепись членов РКП(б); типология семей; традиционная семья; современная семья.

Одним из направлений исследований российской семьи в раннесоветский период является изучение влияния идеологических факторов на ее трансформацию, изменение структуры и функций. 1920-е гг. вошли в историю России как время активного реформирования семьи, в основе которого лежали, во-первых, объективные модернизационные факторы, обеспечивающие постепенный и закономерный переход семьи от традиционного формата к современному; а во-вторых, попытки социального конструирования института семьи в соответствии с коммунистическими идеями и представлениями о роли и месте семейной организации в обществе будущего. Как результат комплексного влияния этих двух факторов, семейные процессы в СССР приобрели специфические черты — это ускоренная и серьезно искаженная эмансипация женщин; перераспределение

---

*Тема поддержана грантом РФФИ 15-06-05611 «Типология раннесоветской семьи по материалам партийных переписей 1920-х гг.».

функций воспитания детей между семьей и государством на фоне сохранявшейся патриархальной структуры внутрисемейных отношений.

Изменения в институте семьи начались в России еще во второй половине XIX в., когда в обществе стали активно обсуждаться вопросы секуляризации брака, расширения прав женщин. Серьезный удар по сложившейся в Российской империи системе семейно-брачных отношений нанесла Первая мировая война, которая заметно подорвала существующие устои и нормы.

Революция законодательно закрепила наметившиеся в начале XX в. тенденции. В декабре 1917 г. были приняты первые декреты советской власти по вопросам брака и семьи, среди них Декрет о гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния; Декрет о расторжении брака [Декрет ВЦИК и СНК; 16 (29) декабря 1917 г.; 18 (31) декабря 1917 г.; Казьмина, Пушкарева]. В дальнейшем они легли в основу нового Кодекса о браке и семье 1918 г. Согласно этим декретам, основной формой брака провозглашался *гражданский брак*, основанный на принципах добровольности и зарегистрированный в органах ЗАГС. Церковный брак становился частным делом. Эти нормы соответствовали марксистским представлениям об индивидуальной половой любви как единственном законном основании для создания семьи [Крупская].

Формально законодательство уравнивало семейные права мужчин и женщин, хотя современники отмечали возросшую в условиях стремительной демократизации института семьи правовую незащищенность женщин [см.: Лисицын]. Наблюдая за произошедшими после революции изменениями в семейно-брачных отношениях, П. А. Сорокин отмечал кризис семьи, которая стала прикрытием для стихийных половых связей. Он писал: «На 10 000 браков в Петрограде теперь приходится 92,2 % разводов — цифра фантастическая, причем из 100 расторгнутых браков 51,1 % были продолжительностью менее одного года, 11 % — менее одного месяца, 22 % — менее двух месяцев, 41 % — менее 3–6 месяцев и лишь 26 % — свыше 6 месяцев. Эти цифры говорят о том, что современный легальный брак — форма, скрывающая по существу внебрачные половые отношения и дающая возможность любителям “клубники” “законно” удовлетворять свои аппетиты» [см.: Сорокин, с. 79].

В 1926 г. был принят новый Кодекс о браке и семье [Кодекс законов о браке...]. В нем особое внимание было уделено вопросам признания судом фактического брака и процедуре прекращения брака. Таким образом, советское законодательство сделало значительный шаг вперед по пути демократизации института семьи, секуляризации брака, формирования новых внутрисемейных отношений, основанных на любви и уважении, однако этого было недостаточно для коренных перемен в семейно-брачных отношениях.

Выйдя из-под надзора церкви, советская семья не сразу попала под контроль государства, пережив в 1920-е гг. период поиска новой модели отношений, основанной на упрощенных представлениях о равенстве и любви. В центре развернувшихся вокруг семьи дискуссий находились идеологи советского феминизма — И. Арманд и А. Коллонтай. Они пропагандировали единственно

возможную форму брака как союза, основанного на любви [Коллонтай, 1918; 1921]. Более того, семья рассматривалась многими как временное явление, на смену которому идет коллектив — коммунистический идеал общественной организации, который должен был заменить и вытеснить все остальные формы межличностного взаимодействия [Панин, с. 113].

Первоначально представления о формах преобразования семьи были очень противоречивые. В них, как в зеркале, отражались процессы, происходившие в обществе в целом. В 1920-е гг., когда отрицалось все, что было связано с царской Россией (церковь, школа, искусство и пр.), семья также оценивалась как явление прошлого. Такая ситуация сохранялась на протяжении 1920-х гг. и только в 1930-е гг. происходит поворот к традиционным ценностям, среди которых свое место заняла семья. Она стала объектом государственного регулирования и контроля, начиная от регистрации брака и развода и заканчивая деторождением, воспитанием детей. Одновременно, на фоне роста женской занятости в общественном производстве, происходит реставрация патриархальных внутрисемейных отношений.

К концу 1930-х гг. в советском обществе сложилась новая эталонная модель «советской» семьи, в которой все совершеннолетние члены семьи обязаны были работать, выполняя свой долг перед Родиной. Основной функцией семьи стало обеспечение условий для воспроизводства рабочей силы, т. е. она сохранила статус производственной ячейки общества, но не самостоятельной, а в качестве своеобразного придатка промышленного предприятия или учреждения. Официальный патронаж советской семьи осуществлялся через профсоюзы, в задачи которых входили мероприятия по поддержке и укреплению семьи. Воспитание детей стало заботой государства. Окончательно эта модель семьи утвердилась уже в 1960-е гг., когда, по мнению А. Г. Вишневого, «место старой традиционной семьи заступает новая, достаточно стабильная супружеская малодетная семья городского типа, сильно отличающаяся от патриархальной, но все же сохраняющая по отношению к ней определенную преемственность» [Вишневский].

* * *

История семьи в раннесоветский период изучалась весьма активно. В отечественной науке этим вопросам были посвящены многочисленные труды демографов и социологов, среди которых выделяются работы А. Г. Харчева, А. Г. Вишневого, С. Н. Гаврова, А. Г. Волкова и др. [см.: Харчев; Вишневский; Волков; Гавров; Черных; Шаповалова; и др.]. К наиболее обсуждаемым темам относились политика государства в области семьи и брака и ее влияние на становление современного типа семьи; анализ изменений структуры и функций семьи, в частности воспитания детей; исследование процессов эмансипации.

В западной историографии вопросы реформирования семьи в раннесоветский период также всегда вызывали большой интерес. Спектр оценок исследователей весьма широк: от жесткой критики мероприятий власти до попытки разобраться в хитросплетении факторов и тенденций, проявившихся в сфере

семейно-брачных отношений в 1920–1930-е гг. [см.: Менерт; Glass, Stolee]. Свой вклад в изучение процессов реформирования семьи внесли работы, написанные в жанре микроистории, среди которых можно отметить статью Кэти Тортон, посвященную семье В. И. Ленина [см.: Turton]. Тема положения женщин в семье в первые годы советской власти нашла отражение в монографии Уэнди Голдмэн [см.: Goldman]. Социально-правовые аспекты советской семейной политики 1920–1930-х гг. стали объектом исследования Лорен Камински [см.: Kaminsky]. В целом, оценивая уровень историографического осмысления истории раннесоветской семьи, можно согласиться с Уэсли Фишер и Леонидом Хотиним, которые еще в 1977 г. отмечали, что история советской семьи в 1920-е гг. находится в тени споров по поводу ее будущего при коммунизме [см.: Fisher, Khotin].

Изучая раннесоветскую семью, нужно иметь в виду, что 1920-е гг. — это особое время, когда конструирование властью новых социальных форм совпадало с настроениями значительной части общества, т. е. инициативы «сверху» получали активную поддержку «снизу». Как коммунистические лозунги влияли на семейную структуру советского общества? Насколько менялся демографический портрет семьи? Ответ на эти вопросы можно найти в материалах Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. [см.: Воробьев, 2004; Mazur, Gorbachev; Наумов, Шепелев; Теплякова; и др.].

Основной целью проведения переписи был учет и «чистка» состава членов партии. Был разработан переписной бланк, содержащий 59 вопросов по социально-демографическим, культурным, партийным характеристикам членов партии. Среди них есть вопросы, связанные с описанием семьи, которые и послужили основным источником сведений о семейной структуре членов партии. Переписные бланки сохранились в архиве полностью [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 557–645] и были изучены с использованием методов выборки, а также формализации сведений бланков и представлении их в виде базы данных.

Изученный массив документов охватил Екатеринбургскую партийную организацию, которая по данным переписи включала 874 партийные ячейки с общим числом членов и кандидатов партии — 14 662 чел. (0,7 % от численности населения губернии). В переписи приняли участие 12 038 человека, т. е. 94,2 %. В составе партии преобладали рабочие и крестьяне (79,2 %), около половины которых вступили в партию в 1919 г. [Там же, д. 645а, л. 3 об.–4]. Около (77,3 %) членов партии в Екатеринбургской губернии имели начальное образование. Удельный вес имеющих высшее и среднее образование не превышал 3 %. В целом распределение членов партии Екатеринбургской губернии по социальному происхождению и уровню образования соответствует общим параметрам российского общества. Около $\frac{1}{3}$ членов партии проживали в городах и 67 % — в сельской местности (в деревнях и заводах) [Там же, л. 1–2]. Половозрастная структура губернской организации РКП(б) характеризуется преобладанием мужчин в молодом и зрелом возрасте. В ее составе насчитывалось 13 105 мужчин (89,4 %) и 1 557 женщин (10,6 %). Все перечисленные выше

сведения о составе парторганизации важны с точки зрения понимания семейных процессов и структуры партийной семьи.

С целью изучения материалов переписи была проведена случайная выборка, объем которой составил 517 анкет (3,5 % от всей совокупности). Сведения о численности и составе семье содержат 505 анкет. Они были использованы для изучения семейной структуры членов партии. Кроме того, методом целевого отбора была сформирована дополнительная выборка, включающая 254 анкеты. В них содержалась более развернутая информация о семье, позволяющая реконструировать ее демографический тип.

Оценка репрезентативности выборки была проведена на основе сравнения ее параметров с генеральной совокупностью. Имеется заметное расхождение по показателям социального состава партийной организации: по итогам официальной разработки материалов переписи удельный вес рабочих в структуре партийных организаций Екатеринбургской губернии составил 41,5 %, крестьян — 37,8 %, а служащих — 15,7 % [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 645а, л. 4]; в полученной выборке удельный вес рабочих и крестьян заметно ниже — 17,6 % и 18,9 % соответственно. И напротив, советские служащие, партийные функционеры, работники силовых структур составили более половины членов партии (57,6 %)¹. Причина расхождения кроется в том, что при разработке итогов переписи социальное происхождение определялось по характеру занятий опрашиваемых *до революции*. К 1922 г. большинство из них уже получили «портфель», т. е. перешли в категорию советских и партийных служащих. В целом полученная выборка пропорциональна генеральной совокупности (Екатеринбургской партийной организации) по основным структурным параметрам, в том числе по таким признакам как пол, образование, место жительства, что позволяет рассматривать ее как репрезентативную для изучения партийной семьи.

Семейная структура членов РКП(б) Екатеринбургской губернии в 1922 г.

В бланк переписи были включены всего два вопроса о семье: сколько работников и сколько иждивенцев в семье члена партии. Данная информация позволяет реконструировать состав семьи по численности, а также распределение по числу работников и по числу иждивенцев. Если соотнести эти базовые сведения с другой социально-демографической информацией (место жительства, пол, возраст, социальное происхождение, национальность, образование, род занятий и пр.), то возникает возможность изучения факторов влияния на численность и состав семьи, в том числе идеологических и пропагандистских штампов, эмансипации и модернизационных процессов.

По данным случайной выборки в семейной структуре членов партии преобладали малые семьи (от 2 до 4 чел.): в них проживали около половины коммунистов

¹ Здесь и далее, если нет ссылок, показатели рассчитаны на основе выборки.

(49,5 %) (см. рис. 1). Такое распределение соответствует возрастной структуре изучаемой совокупности, где молодежь в возрасте до 30 лет составляла около половины (44,5 %). Средний состав семьи насчитывал 3,97 чел., а модальный показатель соответствовал значению 4 чел.

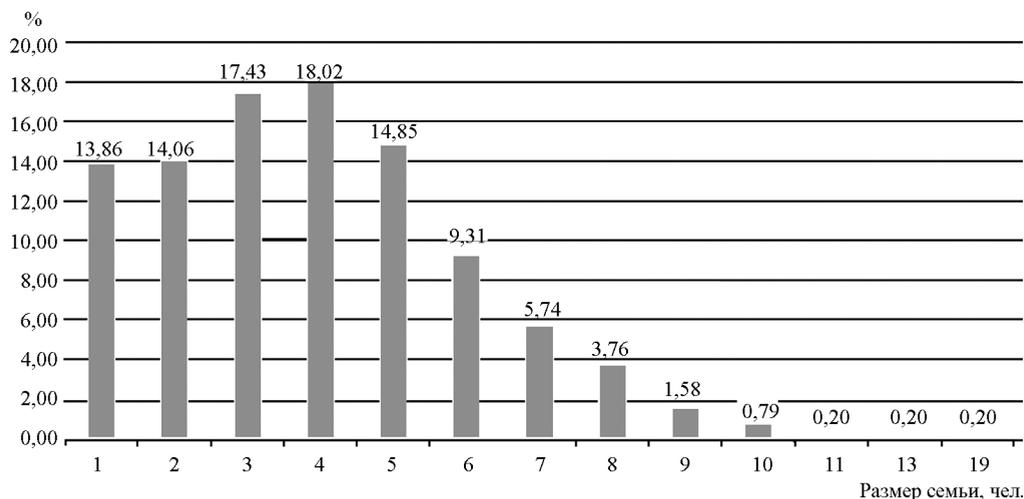

Рис. 1. Распределение семей членов партии по численности

Обращает на себя внимание высокий удельный вес одиноких коммунистов, который составил 13,9 %. Среди них преобладала молодежь до 24 лет — 52,9 %; с 25 до 34 лет — 40 %. В старших возрастных группах доля одиноких резко снижается (с 35 до 44 лет — 4,3 %; свыше 45 лет — 2,9 %). Женщины среди одиноких составили более трети (33,9 %), что дает основание для вывода о «военных» причинах одиночества как результате нарушения баланса полов.

По социальному статусу среди одиноких членов партии доминировали военнослужащие. Их удельный вес составил 38,6 %, служащие насчитывали 21,4 %, партийные и советские работники — 11,4 %, рабочие — 10 %, крестьяне — 10 %, учащиеся и пр. — 8,6 %.

Особый интерес представляет категория одиноких служащих, партийных и советских работников в возрасте 25–34 лет (примерно 2,4 % от всего объема случайной выборки), видимо, сознательно выбравших внесемейные стратегии. В партийно-номенклатурной среде эти настроения могли подпитываться представлениями о семье как проявлении мещанства. Крайним выражением революционной мифологии стало распространение мнений о том, что семья является пережитком прошлого и не соответствует образу борца за революцию. Ее носителями часто выступали интеллигенты. В одной из анкет приводятся сведения о 30-летнем молодом человеке (партийный стаж с 1914 г.), холостом,

окончившем Лондонский университет, посвятившем себя партийной работе. В характеристике, прилагаемой к анкете, подчеркнуто: «интеллигент, постепенно теряющий веру в революцию, безусловно честный» [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 571, л. 59–60]. Одинокие коммунисты со средним или высшим образованием и непролетарским происхождением (чаще всего из купцов и мещан) встречаются в материалах переписи достаточно часто, их удельный вес составил 18,6 %. Многие из них в ходе переписи были исключены из партии [Там же, д. 568, л. 310].

В целом, одиночество представляет собой особое социальное явление, с которым часто связывают процессы модернизации семьи. Его рассматривают как реакцию на происходящие в обществе перемены (урбанизация, ослабление межличностных отношений, ломка традиций и т. д.), которые способствуют усилению индивидуализма и эгоцентризма [Михайлова; Садлер, Джонсон]. С позиций семьи одиночество становится одним из вариантов образа жизни, сознательно выбираемого человеком, поскольку отказ от семьи нередко воспринимается как условие для реализации индивидуальных жизненных стратегий.

Структура семьи в программе переписи зафиксирована по двум основным параметрам — количество *работников* и *иждивенцев*. Включение этих вопросов в программу, видимо, преследовало цель уточнить степень занятости членов партии семейными проблемами и их ориентированность на общественно полезную практику. Подобный взгляд на семью как экономическую и потребительскую ячейку характерен для традиционного общества: соотношение числа работников и едоков — это основной показатель, оценивающий экономический потенциал крестьянской семьи.

Реконструкция структуры семьи по количеству работников на основе данных анкеты имеет свои особенности. Под *работником* обычно понимался член семьи, имеющий заработную плату, т. е. работающий в учреждении или на заводе. В анкетах крестьян все члены семьи указывались *иждивенцами*, так как они не получали «заработную плату». В результате крестьянская семья, где имело место половозрастное разделение труда, и соотношение числа работников и иждивенцев носило более сложный характер, в материалах переписи отражена некорректно. Для получения более достоверной картины сведения о крестьянских семьях были исключены из анализа (табл. 1).

В подавляющем большинстве семей членов партии (рабочих и служащих) отмечен один работник, преимущественно мужчина (см. табл. 1). И только в 20,5 % семей зафиксировано 2 и более работника, в том числе 15,7 % составили семьи из 2 человек; 3,8 % — из 3 человек; 0,7 % — из 4 человек; 0,3 % — из 5 и более человек. Больше половины семей состоят из 4–6 человек, средний состав — 5,2 человек. Треть семей с 2 и более работниками проживали в городе (31,8 %), в заводских поселках — 19,1 % и около половины (49,1 %) — в сельской местности.

Таблица 1

Распределение семей членов партии по числу членов семьи и количеству работников (за исключением крестьянских семей)*

Число членов семьи	Количество работников в семье, чел.								Удельный вес, %
	Нет	1	2	3	4	5	6 и более	Всего	
1	0	63	0	0	0	0	0	63	15,7
2	1	47	7	0	0	0	0	55	13,8
3	0	57	7	2	0	0	0	66	16,5
4	0	60	16	1	1	0	0	78	19,5
5	1	39	15	3	0	0	0	58	14,5
6	1	24	8	2	0	0	0	35	8,8
7	0	14	5	3	1	0	0	23	5,7
8	0	9	4	1	1	0	0	15	3,8
9	0	1	0	2	0	0	0	3	0,7
10	0	1	1	0	0	0	0	2	0,5
11	0	0	0	1	0	0	0	1	0,25
13	0	0	0	0	0	0	1	1	0,25
Итого	3	315	63	15	3	0	1	400	
Удельный вес семей, %	0,7	78,8	15,7	3,8	0,7	0	0,3		100

*Расчитано на основе обработки материалов выборки Всероссийской партийной переписи 1922 г.

В традиционном обществе количество работников в семье растет за счет вступления в трудоспособный возраст мужчин: такую картину мы можем наблюдать в старших возрастных группах коммунистов. Не менее значимой причиной изменения трудо-потребительского баланса семьи в 1920-е гг. становится трудовая занятость женщин. В 1922 г. доля женщин в составе рабочих и служащих составляла 25 %, а к 1940 г. она достигла 39 % [Народное хозяйство..., с. 469]. Членство в партии было очень важным фактором, влияющим на поведение женщин, 83 % из них работали: большинство было занято в крестьянском хозяйстве, на рабочих специальностях или в качестве служащих; 9,4 % работали в партийных или советских органах.

Таким образом, анализ трудо-потребительского баланса партийной семьи свидетельствует: во-первых, о сохранении в раннесоветском обществе традиций внутрисемейного распределения функций, в соответствии с которыми глава семьи должен был кормить и содержать всех ее членов; во-вторых, о росте женской занятости, постепенно меняющей семейные роли.

Демографический тип семьи

Характеристику партийной семьи по численности дополняет группировка по демографическому типу, которая учитывает состав семьи, в том числе состояние в браке главы семьи (полные / неполные семьи), а также ее поколенную структуру (простая (нуклеарная) / сложная). Группировка по демографическому типу была проведена на основе дополнительной целевой выборки (254 анкеты).

Таблица 2

Распределение семей членов РКП(б) по демографическим типам

Тип семьи по П. Ласлетту	Демографический тип	Количество	Удельный вес без учета одиноких (%)	Удельный вес с учетом одиноких (%)
1а + 1б	Одинокие			13,86
Полные семьи				
3а	Брачная пара без детей (простая)	52	20,47	17,64
4а	Брачная пара с детьми и родителями (расширенная по восходящей)	30	11,81	10,17
4в + 4г	Брачная пара без детей с родителями и родственниками (сложная)	27	10,63	9,16
3б	Брачная пара с детьми (простая)	94	37,01	31,88
5г	Братская семья (сложная)	1	0,39	0,34
Неполные семьи				
3в + 3г	Глава семьи (мать или отец) с детьми (простая)	9	3,54	3,06
4а	Глава семьи с детьми и родителями (расширенная по восходящей)	6	2,36	2,03
4г	Глава семьи с родителями и родственниками (сложная)	29	11,42	9,83
4в	Глава семьи с родственниками (расширенная)	6	2,36	2,03
Итого		254	100,00	86,14
Всего			(294,86)	100,00

Таким образом, в целевой выборке полные семьи составили 80,31 %, из них почти $\frac{2}{3}$ (71,8 %) были простыми (нуклеарными) и 28,2 % можно охарактеризовать как расширенные и сложные. Обратная картина наблюдается среди неполных семей, удельный вес которых в выборке составил 19,68 %. В этой группе простые семьи составили всего 18 %, остальные относятся к категории расширенных и сложных.

Особенностью дополнительной целевой выборки было то, что в нее не включались одинокие, а только семьи из 2 и более человек, которые по основной выборке составили 86,14 %. Если учесть этот момент, то доли выделенных типов семейных коллективов будут меньше на несколько процентов (см. табл. 2). Кроме того, данное распределение не вполне репрезентативно для всего раннесоветского общества, поскольку имеются искажения, определяемые особенностями половозрастной структуры партийной организации, но оно отражает общие тенденции и поэтому заслуживает внимания.

В партийной среде преобладали *полные семьи*, причем более половины из них (68,3 %) относились к малым нуклеарным (2–4 человека), это были преимущественно семьи молодых членов партии (до 34 лет) — рабочих и служащих, проживающих в городах и заводских поселках. Многочисленные полные семьи (5–8 человек) встречаются у разных категорий населения (рабочие, крестьяне, служащие). Их объединяет то, что глава семьи относится к средней возрастной группе (35–44 года), половина из них — это многодетные семьи, другая половина — многопоколенные, неразделенные.

В целом полученные данные свидетельствуют о сохранении в партийной среде традиций брачного поведения, связанного с созданием семьи в раннем возрасте (до 25 лет). После 20 лет подавляющее большинство мужчин — членов партии были женаты и имели детей. Если дети отсутствовали, то молодая пара проживала с родителями.

Каждая пятая семья (19,8 %) в изучаемой совокупности была *неполной* и представлена в основном вдовами / вдовцами, на содержании которых имелись дети и/или родители. Среди неполных семей две трети (78 %) составили малые семейные коллективы (2–4 человека) и 22 % — семьи из 5 и более человек. Многочисленные семьи встречаются преимущественно в крестьянской среде: примером может служить семья члена партии из с. Меркушино — вдовца с 2 детьми и родителями, который написал заявление о выходе из состава партии по причине болезни и непонимания политики нэпа [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 560, л. 6, 8].

Две трети неполных семей (73,5 %) возглавлялись мужчинами и только $\frac{1}{3}$ — женщинами. Такое распределение нетипично и детерминировано гендерными особенностями состава партии. По сведениям Н. И. Воробьева, изучавшего семью в г. Нерехте в 1923 г. [Воробьев, 1987], удельный вес неполных семей в структуре населения города был существенно выше и достигал 30,5 %, а в 9 из 10 неполных семей роль главы семьи выполняла женщина.

Представленная выше типология соотносится с классификационной схемой П. Ласлетта (P. Laslett), в которой акцент сделан на поколенной структуре семьи [см.: Ласлетт]: простые семьи в нашей выборке составили больше половины — 61,1 %; сложные семейные коллективы — 38,9 % (это семьи, включавшие, помимо родительского ядра, бабушек / дедушек, братьев / сестер и пр., т. е. ближайших родственников, нуждающихся в материальной поддержке и находящихся на содержании у члена партии). В материалах переписи можно найти многочисленные примеры неразделенных семей, в которых глава семьи проживал вообще

отдельно — в городе, а его жена, дети, родители — в деревне [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 571, л. 123–124]. Причиной такого раздельного проживания могло быть отходничество [Там же, д. 567, л. 266] либо военная служба [Там же, д. 564, л. 8; д. 561, л. 62–63].

Социальная типология семьи

Семейная структура членов партии в значительной степени определялась половозрастными особенностями состава РКП(б), поэтому соотносить ее с населением Екатеринбургской губернии в целом нельзя. Однако дифференцированный подход к анализу материалов переписи (по отдельным возрастным и социальным группам) позволяет в значительной мере сгладить эти искажения и получить более точное представление о семейной организации раннесоветского общества. В этой связи большой интерес представляет *распределение семей в зависимости от той социальной группы, к которой относился член партии* — крестьянство, рабочие, служащие, партийно-советские работники, военнослужащие (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение семей в зависимости от социальной принадлежности членов партии, %*

Категории семей	Рабочие	Крестьяне	Служащие	Партийно-советские работники	Военнослужащие**	Прочие***	Итого
Одинокие	8,4	6,7	12,5	10,2	28,7	24,0	13,9
Малая семья (2–4 чел.)	43,4	48,6	55,8	51,3	48,9	40,0	49,4
Средняя семья (5–8 чел.)	48,2	37,1	30,8	34,6	20,3	32,0	33,7
Большая семья (9 и более чел.)	0,0	7,6	0,8	3,9	2,1	4,0	3,0
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Удельный вес семей, %	16,4	20,8	23,8	15,4	18,6	5,0	100,0

* Рассчитано на основе обработки материалов выборки Всероссийской партийной переписи 1922 г.

** К военнослужащим отнесены не только те, кто служил в действующей армии, но и сотрудники Чрезвычайных комиссий (ЧК), Частей особого назначения (ЧОН), милиции, следственных органов, т. е. сотрудники «силовых» структур.

*** В категорию прочих вошли учащиеся, домохозяйки, неработающие члены партии.

По табл. 3 видно, что семейная структура различных социальных групп отличается. При общем преобладании малых семей, для крестьян характерны

самый низкий удельный вес одиноких, напротив, самая высокая доля крупных семей (свыше 9 человек). Рабочие демонстрируют низкий показатель числа одиноких и повышенную долю семей с количеством человек от 5 до 8. В категории служащих и партийно-советских работников растет количество одиноких и отмечается более половины малых семей.

Критерий независимости Пирсона (Neuman-Pearson criterion of independence) для качественных признаков позволяет оценить связь (расхождение / отталкивание) между социальными группами. В результате выделяются три типологические группы семей членов партии, отличающиеся по своим количественным характеристикам: 1 – семьи рабочих и крестьян; 2 – служащих и партийно-советских работников; 3 – военнотружущих (см. рис. 2).

Первую типологическую группу составили **семьи рабочих и крестьян**, их совокупный удельный вес достигает в выборочной совокупности 37,2 %. Для данной группы семей характерна схожая картина распределения, в частности по количеству одиноких. В целом они тяготеют к «традиционному» типу семьи, основанному на принципах патриархальности. В демографическом плане традиционная семья отличается высоким уровнем рождаемости и детской смертности, многопоколенной структурой и внутрисемейным распределением обязанностей с учетом гендерного и возрастного факторов. Семейные отношения строятся на нормах, известных с «Домостроя», в первую очередь – это подчиненность главе семьи всех остальных ее членов [см.: Мацковский, с. 48–49].

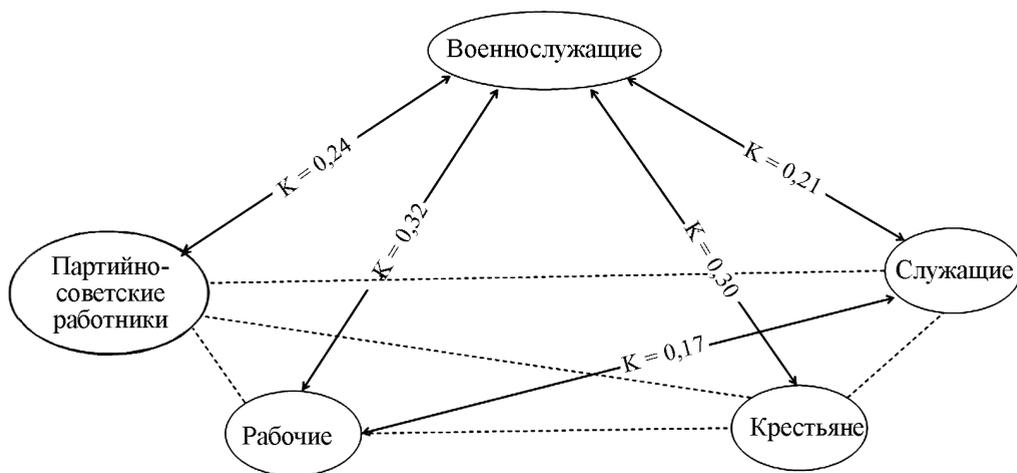

Рис. 2. Корреляционная плеяда социальных категорий семей

По итогам выборки в Екатеринбургской губернии *крестьянские семьи* в партийной среде составляли 20,8 %. Из них в 85,7 % случаев глава семьи был потомственным крестьянином, в 10,5 % – выходцем из горнозаводской среды (отец указан рабочим), по 0,9 % – из ремесленников и служащих. Таким образом,

социальная база крестьянской семьи осталась без изменений, маргинализация почти не коснулась этого слоя населения, что способствовало сохранению семейных традиций. Крестьянские семьи имели, как правило, сложную структуру, включая детей, иногда приемных, родителей, бабушек и дедушек. Об этом свидетельствует распределение семей по количеству членов: одинокие составляли 6,7 %, семьи из 2–4 человек — 48,6 %, 5–8 человек — 37,1 %, более 8 человек — 7,6 % (см. табл. 3). Средний состав семьи насчитывал 4,5 человека.

Семейная структура крестьян коррелирует с их возрастом. Возраст 15–24 года имели 7,6 %; 25–34 лет — 41,9 %; 35–44 года — 33,3 %; 45 лет и более — 17,1 %, т. е. среди крестьян преобладали средние возрастные группы с 30 до 40 лет. Большинство из них вступили в партию в зрелом возрасте, уже имея семью и детей. В целом, крестьянская семья была меньше других затронута модернизационными изменениями и дольше сохраняла патриархальные черты.

К *рабочей семье* по результатам выборки можно отнести всего 16,4 % — это те семьи, где глава семьи трудился на заводе, руднике, фабрике, на железной дороге. Среди них 53,2 % были потомственными рабочими, 31,6 % — выходцами из крестьян, 5,1 % — из ремесленной среды, 1,3 % — из служащих (мещан), в 8,9 % случаев нет сведений. По числу членов рабочие семьи распределялись следующим образом: из 1 человека — 8,4 %, из 2–4 человек — 43,4 %, 5–8 человек — 48,2 %, более 8 человек — 0 % (см. табл. 3). Средний состав рабочей семьи насчитывал 4,5 человек, т. е. был такой же, как у крестьян, модальный размер семьи составил 4–6 человек (55,7 % от всей совокупности). В большинстве семей отмечен один работник и высокий уровень детности. По целевой выборке большинство рабочих семей относится к демографическим типам «брачная пара с детьми», а также «брачная пара с детьми и родителями». Отмечены также неполные семьи — это преимущественно вдовцы с детьми и родителями.

Отличие городской рабочей семьи от крестьянской состояло в переходе на другую экономическую основу: основным источником средств существования был *заработок* главы семьи (мужчины), задача которого была прокормить жену и детей. Структура рабочей семьи быстро меняется в 1920-е гг. вместе с ростом занятости женщин, но все же сохраняет традиционные черты и приобретает в 1930-е гг. статус идеального типа, который стал пропагандироваться как «рабочая династия». При конструировании идеологии «рабочей династии» активно использовался устойчивый семейный образ — это большая, многопоколенная, неразделенная семья, возглавляемая потомственным рабочим и состоящая преимущественно из рабочих (жена, взрослые дети). Таким образом, рабочая семья приобретает идеологические функции. В позднесталинский период она стала эталоном советской семьи и рассматривалась властью как основа формирования нравственности молодых поколений. Следует отметить усилия власти по канонизации рабочей семьи-династии, формированию на ее основе нового архетипа, соответствующего идеологическим критериям и постепенно вытесняющего архетип крестьянской семьи.

В особую типологическую группу можно выделить *семьи служащих и партийно-советских работников*. Они в наибольшей степени попадали

под влияние модернизационных факторов и стали носителем новых тенденций в семейных отношениях. Семьи служащих и партийно-советских работников составляли 39,2 % от всей совокупности, около половины из них проживали в городе (45,9 %), остальные — в сельской местности (см. табл. 4). Для данной категории семей был характерен высокий удельный вес одиноких (более 10 %) и преобладание малых семей, большинство из которых относилось к нуклеарным. В среде партийно-советской номенклатуры иногда встречаются крупные семьи (3,9 %), что свидетельствует о влиянии традиции. Эти тенденции прослеживаются также в среднем размере семей: для служащих он составляет 3,7 человека, для советско-партийных работников — 4,2 человека. Среди семей служащих горожане встречаются в 54,2 % случаев, среди партийно-советских работников таких семей только 33,3 %.

Существенные отличия между городской и сельской местностью заметны в категории малых и средних семей: сельская семья советских служащих и партийно-советских работников тяготеет к традиционному типу (см. табл. 4), городская семья в демографическом отношении находится в состоянии перехода от традиционного типа к современному.

Таблица 4

Распределение семей служащих и партийно-советских работников с учетом места жительства, %*

Категории семей	Город	Сельская местность	Всего
Одинокие	13,2	10,3	11,6
Малая семья (2–4 чел.)	58,2	50,5	54,1
Средняя семья (5–8 чел.)	27,5	37,4	32,8
Большая семья (9 и более чел.)	1,1	1,9	1,5
Итого	100,0	100,0	100,0
Удельный вес семей, всего %	45,9	54,1	100,0

* Рассчитано на основе обработки материалов выборки Всероссийской партийной переписи 1922 г.

Особо следует остановиться на *семьях партийных и советских работников*, которые стали прототипом номенклатурной семьи, утвердившейся в 1930-е гг. Их удельный вес составил 15,4 % от всей совокупности. В этой категории более половины занимают малые семьи из 2–4 человек — 51,3 %; из 5–8 человек — 34,6 %; более 8 человек — 3,9 % (см. табл. 3). Модальный возраст членов партии в этой категории семей — 30–39 лет, они составили половину (50 %) от всех респондентов, относящихся к рассматриваемому типу. По социальному происхождению в 32,9 % случаев отец номенклатурного работника был рабочим, в 54,3 % — крестьянином, в 12,9 % — служащим. В абсолютном большинстве семей партийных и советских функционеров отмечен

один работник (73,1 %) и в каждой четвертой семье — 2 и более работников. Первоначально членство супругов в партии не влияло на распределение внутрисемейных обязанностей: женщины продолжали выполнять функции домохозяйки. Но с течением времени жены номенклатурных работников все активнее включались в партийную, советскую работу, поступали на службу в государственные учреждения.

В особую группу выделяются *семьи военнослужащих*. Она объединяет представителей всех силовых структур — военных срочной службы, милиционеров, сотрудников чрезвычайных комиссий и частей особого назначения, следователей и пр. Удельный вес данной категории семей составил 18,6 %, т. е. выше, чем количество семей партийно-советской номенклатуры и рабочих (см. табл. 3). Прежде всего, здесь зафиксирован самый высокий показатель одиноких — 28,7 % и наиболее низкий удельный вес средних семей — 20,3 %. Такое семейное поведение определяется прежде всего возрастным фактором: 74,5 % членов семей в данной группе имеют возраст до 29 лет. В 80,8 % случаев это семьи с одним работником, в остальных случаях фиксируются 2 и более работников. Средний состав семьи самый маленький — 3,2 человека. Очевидно, что здесь реализуется своя модель развития, траектории которой зависят от уровня оседлости и особенностей службы респондента.

Идеальные типы семей

Материалы партийной переписи интересны также тем, что помимо общей статистической картины семейного состояния и стратегий, они содержат информацию о новых формах семейной организации, которые в наибольшей степени являются результатом идеологического воздействия. Новые формы складывались под влиянием нескольких факторов: 1 — утопического социализма (семья-коммуна); 2 — революционного романтизма (семья как союз соратников по партии, посвятивших свою жизнь борьбе за общее дело). Эти варианты семьи представляли собой *идеальные модели*, соответствующие мифологии революционного обновления и сконструированные как антипод буржуазной семье. Будучи порождением идеи, они не имели серьезной перспективы и не меняли принципиально семейную структуру общества, но представляют собой любопытный феномен, особенно привлекательный для историков и социологов.

Среди идеально-сконструированных типов следует отметить прежде всего *семью-коммуну*, которая встречается в сельской местности. Уже в 1918 г. на базе национализированных поместий по призыву властей начинают создаваться сельскохозяйственные коммуны. Они представляли собой объединение нескольких крестьянских семей в одно хозяйство, основанное на обобществлении имущества и труда всех ее членов. Однако, в условиях революции идея коммуны нередко приобретала крайние черты и принцип обобществления распространялся на быт, образ жизни, семью, формируя у коммунаров представления о коммуне как новой общественной организации, заменяющей семью.

Согласно спискам населенных мест, на территории Екатеринбургской губернии в 1923 г. было отмечено 41 поселение, которые были зарегистрированы как коммуны [см.: Список населенных пунктов...]. В партийной организации Екатеринбургской губернии в 1922 г. 4,8 % членов партии были коммунарами. В их анкетах часто встречается описание коммуны как семьи — это коммуна «Крестьянин», расположенная в д. Никольское Камышловского уезда [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 585, л. 34; д. 578, л. 108]; коммуна «Муравейник» пос. Гольский Ирбитского уезда (в описании указана численность семьи 89 человек, в том числе работников — 37, иждивенцев — 52) [Там же, д. 567, л. 129; д. 558, л. 169.]; коммуна «Дом», расположенная в с. Михалево Ирбитского уезда [Там же, д. 589, л. 134]; коммуна «Красная звезда» [Там же, д. 582, л. 203; д. 578, л. 30]. Из информации, представленной в анкетах, видно, что регистраторы и сами респонденты затруднялись в обозначении своего семейного статуса, в том числе в определении количества работников и иждивенцев, включая в их число всех членов коммуны или, напротив, указывая «0». В последнем случае имелось в виду то, что в коммуне нет ни работников, ни иждивенцев — трудятся все. В целом, семья-коммуна представляет собой наиболее радикальный вариант преобразования крестьянской семьи.

Другой идеальный тип — *революционная семья* — сложился под влиянием революционного романтизма. Это супружеские пары профессиональных революционеров, как правило, без детей, связанные общей деятельностью. В качестве эталона выступала семья Ленина — Крупской, а также других деятелей большевистского движения.

Революционный тип семьи прослеживается в материалах переписи 1922 г. в нескольких версиях — старой (романтической) и новой (номенклатурной). К романтической версии относятся семьи членов партии с дореволюционным стажем (с 1903–1905 гг.) в возрасте от 35 до 62 лет, состоящие из 2–3 человек — коммунист, его жена (обычно работающая) и мать. Исключение составляет анкета, в которой описана семья из 13 человек, 9 человек стали ее членами «по случаю голода». Всего в выборке отмечено 2,6 % коммунистов с дореволюционным стажем.

Семейные стратегии профессиональных революционеров не получили широкого распространения среди молодежи, но послужили основой для формирования советской мифологии. В 1930-е гг. образ революционной семьи активно пропагандируется художественной литературой и кинематографом, так же, как и образ революционера-«святого», отринувшего семейное счастье ради борьбы за светлое будущее трудящихся.

В начале 1920-х гг. на смену романтическому идеалу революционной семьи приходит более жизненный тип — *номенклатурная семья*. К нему можно отнести семьи молодых партработников, которые активно привлекали в партию своих родственников — жен, братьев, сестер, обеспечивая благоприятные условия для карьеры. Так, например, в пос. Асбестовские Рудники муж — председатель Рудкома горнорабочих — способствовал приему в партию своей жены-домохозяйки [Там же, д. 557, л. 66, 67]. Семейные связи прослеживаются между членами партийной ячейки завода Валериановский: глава семьи вступил в партию

в 1918 г., через год в партию были приняты его брат и жена. В ходе переписи он был исключен из партии за хищения золота [ЦДООСО, ф. 76, оп. 1, д. 570, л. 245, 248]. В дальнейшем с утверждением номенклатурных механизмов такая семейная стратегия становится для партийных чиновников нормой, а брак — залогом успешной карьеры.

Таким образом, особенностью номенклатурной семьи является принадлежность обоих супругов к РКП(б). Если в начале 1920-х гг. членство супругов в партии не влияло на распределение внутрисемейных обязанностей (женщины продолжали оставаться в роли домохозяйки), то с течением времени они все активнее включаются в партийную, советскую работу, поступают на работу в советские учреждения в качестве служащих. В 1930-е гг. усиливается контроль партийных организаций за семейным поведением членов партии, особенно функционеров, которые должны были служить образцом для рядовых коммунистов.

Выводы

Всероссийская партийная перепись дает нам специфический срез раннесоветского общества. Члены партии — это та социальная группа, которая в наибольшей степени подверглась влиянию идеологии и коммунистических идей. Оно проявилось не только в карьерных стратегиях, культурных или религиозных трансформациях, но и в семейном поведении членов партии. Наряду с трансформацией традиционной семьи в раннесоветском обществе появляются принципиально новые формы семей, среди которых особый интерес вызывают конструируемые идеальные типы — это *семья-коммуна* и *революционная семья*, которые выступают в качестве прямой трансляции циркулирующих в обществе идеологем.

Если подвести общий итог характеристике семейной организации членов партии, то следует отметить ее переходное состояние. При общем преобладании традиционных семейных структур, шел постепенный процесс демократизации семейной жизни, подкрепленный законодательными мероприятиями. Однако этот переход остался незавершенным.

Сохранение на протяжении 1920–1940-х гг. преимущественно традиционного формата семьи и даже включение его в число символов социалистического общества (как это произошло с рабочей семьей) было связано с незавершенностью модернизации, поддерживалось действием возвратных механизмов, способствовавших усилению традиционализма в сталинскую эпоху. В этом смысле для характеристики России первой половины XX в. вполне применим термин *полусовременное общество* («halbmoderne Gesellschaft»), предложенный У. Беком [см.: Бек, с. 234], который иллюстрирует сложный, извилистый путь модернизации российского общества.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. Б. Сидельника, Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Вишневский А. Г. Эволюция российской семьи: XX век: От крестьянской семьи к городской (продолжение) [Электронный ресурс] // Экология и жизнь. 2008. № 8. URL: <http://elementy.ru/lib/430651> (дата обращения: 28.06.2016).

Волков А. Г. Эволюция российской семьи в XX веке // Мир истории. 1999. № 4. С. 47–57.

Воробьев Н. И. Семья в Нерехте. (К вопросу об анализе семьи) // Советская демография за 70 лет (Из истории науки) / отв. ред. Т. В. Рябушкин. М. : Наука, 1987. С. 110–130.

Воробьев С. В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920–х гг.: Источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2004.

Гавров С. Н. Историческое изменение института семьи и брака. М. : МГУДТ, 2009.

Декрет ВЦИК и СНК от 16 (29) декабря 1917 г. «О расторжении брака» [Электронный ресурс] // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 237–238. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17-12-18.htm> (дата обращения: 28.06.2016).

Декрет ВЦИК и СНК от 18 (31) декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» 18 (31) декабря 1917 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 247.

Казьмина О. В., Пушкарева Н. Л. Российская система законов о браке в XX в. и традиционные установки // Этнографическое обозрение. 2003. № 4. С. 69–75.

Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://wap.praktika.borda.ru/?1-12-120-00000068-000-0-0-1176666001> (дата обращения: 28.06.2016)

Коллонтай А. Проституция и меры борьбы с ней. М. : Госиздат, 1921.

Коллонтай А. М. Семья и коммунистическое государство. М. ; Пг. : Коммунист, 1918.

Крупская Н. К. Брачное и семейное право в Советской Республике // Крупская Н. К. Из атеистического наследия. М. : Наука, 1964. С. 57–64.

Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость. Семья за три века : сб. ст. / под ред. А. Г. Вишневого, И. С. Кона. М. : Статистика, 1979. С. 132–138.

Лисицын А. К. Вопрос о семье и браке (в дискуссионном порядке) // Коммунистка. 1923. № 12. С. 24–26.

Мацковский М. С. Социология семьи: Проблемы теории, методологии и методики. М. : Наука, 1989.

Менерт К. Советский человек. М. : Гослитиздат, 1959.

Михайлова А. И. Осмысление феномена одиночества как социального явления [Электронный ресурс] // Уч. зап. Забайкал. гос. ун-та (ЗабГУ). 2013. № 4 (51). С. 90–94. URL: <http://uchzap.ru/journals/587> (дата обращения: 28.06.2016).

Народное хозяйство СССР за 60 лет : стат. сб. М. : Статистика, 1977.

Наумов О. В., Шепелев В. Н. Материалы Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. // Вопр. истории КПСС. № 4. 1986. С. 48–62.

Панин С. Е. Борьба с проституцией в России в 1920-х годах // Вопр. истории. 2004. № 9. С. 113–119.

Садлер У. А., Джонсон Т. Б. Лабиринты одиночества / пер. с англ. ; сост., общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М. : Прогресс, 1989.

Сорокин П. А. Влияние войны на состав населения, его свойства и общественную организацию // «Экономист» : избранное / сост.: В. В. Анашвили, А. Л. Погорельский. М. : Территория будущего, 2008. С. 79.

Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург : Изд. Екатеринбург. губ. стат. бюро, 1923.

Теплякова Т. П. Роль партийных переписей 1922 и 1927 гг. в укреплении рядов партии : дис. ... канд. ист. наук. М., 1983.

Харчев А. Г. Брак и семья в СССР. М. : Мысль, 1990.

Черных А. И. Крылатый Эрос и промфинплан // Социс. 1993. № 8. С. 105–113.

Шановалова Я. А. Политика большевиков в отношении семьи в первые годы Советской власти // Общество: политика, экономика, право. 2010. № 1. С. 105–107.

ЦДООСО. Ф. 76. Екатеринбургский губернский комитет РКП(б). 1918–1923. Оп. 1. Д. 557–645.

Fisher W. A., Khotin L. Soviet Family Research // Journal of Marriage and Family. Vol. 39. No. 2 (May, 1977). P. 365–374.

Glass B. L., Stolee M. K. Family Law in Soviet Russia, 1917–1945 // Journal of Marriage and Family. 1987. Vol. 49. No 4. P. 893–902.

Goldman W. Z. Women, the State, and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1993.

Kaminsky L. Utopian Visions of Family Life in the Stalin-Era Soviet Union // Central European History. 2011. Vol. 44. P. 63–91.

Mazur L., Gorbachev O. Primary Sources on the History of the Soviet Family in the Twentieth Century: an Analytical Review // The History of the Family. 2016. Vol. 21 (1). Special Issue : Three Centuries of Northern Population Censuses. P. 101–120.

Turton K. Revolution Begins at Home?: The Life of the First Soviet Family // Family and Community History. 2005. Vol. 8. Iss. 2. P. 91–104.

Статья поступила в редакцию 03.07.2016 г.

Мазур Людмила Николаевна

доктор исторических наук, заведующая
кафедрой документационного и информа-
ционного обеспечения управления
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: Lmaz@mail.ru

Mazur, Lyudmila Nikolayevna

Dr. Hab. (History),
Head of the Chair of Documentation
and Information Systems Management
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
E-mail: Lmaz@mail.ru

**THE FAMILY OF YEKATERINBURG GOVERNORATE COMMUNISTS
(With Reference to the 1922 All-Russian Party Census)**

The article discusses the influence of ideological factors (communist ideas) on the family transformation in Soviet Russia, changes in the size, functions, structure, and legal frameworks of a family. In 1920s, there was an active family reformation, based on both objective factors relating to the modernization of society, and subjective ones. In this sense, the Soviet experience is now seen as a conscious attempt to design social processes in order to implement the concepts of an ideal society of the future. One of the consequences of family reformation in the 1920s was the appearance of its many varieties. Some of them were formed under the influence of idealistic views.

The analysis of the early Soviet family is based on the study of a unique source — the materials of the census of CPSU members in 1922. They enabled the author to analyze the structure of party members' families. The study of the Communist family is interesting because party members represented a social group most exposed to the influence of ideological factors. Relying on the situation in the party environment, one can form an idea of the trends, object and depth of changes in family organization of the early Soviet society as a whole.

Key words: Soviet Russia; 1918–1920s; family reformation; census of RCP(b) members; typology of family; traditional family; modern family.

Acknowledgements

The research topic is supported by grant #15-06-05611 “The Typology of the Early Soviet Family Based on the 1920s Party Censuses” of the *Russian Foundation for Basic Research*.

Bek, U. (2000). *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the Way to Another Modernity] (B. Sidel'nik, and N. Fedorova, Trans.). Moscow: Progress-Tradiciya. (In Russian)

Chernyh, A. I. (1993). Krylatyj Eros i promfinplan [The Winged Eros and the Industrial and Financial Plan]. *Socis*, 8, 105–113. (In Russian)

Dekret VCIK i SNK ot 16 (29) dekabrya 1917 g. «O rastorzhonii braka» [‘Decree of the Central Executive Committee and Soviet of People Commissars “On Annulment of Marriage”’]. (1957). In *Dekrety Sovetskoj vlasti* (Vol. 1. 25 oktyabrya 1917 g. — 16 marta 1918 g., pp. 237–238). Moscow: Gos. izd-vo politicheskoy literatury. Retrieved from <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/17–12–18.htm>. (In Russian)

Dekret VCIK i SNK ot 18 (31) dekabrya 1917 g. «O grazhdanskom brake, o detyah i o vedenii knig aktov sostoyaniya» [‘Decree of the Central Executive Committee and Soviet of People Commissars “On Civil Marriage, Children and on Conducting Civil Status Acts Books”, 18 (31) December 1917’]. (1957). In *Dekrety Sovetskoj vlasti* (Vol. 1. 25 oktyabrya 1917 g. — 16 marta 1918 g., p. 247). Moscow: Gos. izd-vo politicheskoy literatury. (In Russian)

Fisher, W. A., & Khotin, L. (1977, May). Soviet Family Research. *Journal of Marriage and Family*, 39, 2, 365–374.

Gavrov, S. N. (2009). *Istoricheskoe izmenenie instituta sem'i i braka* [Historical Changes in the Institution of Family and Marriage]. Moscow: MGUDT. (In Russian)

Glass, B. L., & Stolee, M. K. (1987). Family Law in Soviet Russia, 1917–1945. *Journal of Marriage and Family*, 49, 4, 893–902.

Goldman, W. Z. (1993). *Women, the State, and Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge: Cambridge University Press.

Kaminsky, L. (2011). Utopian Visions of Family Life in the Stalin-Era Soviet Union. *Central European History*, 44, 63–91.

Kaz'mina, O. V., & Pushkareva, N. L. (2003). Rossijskaya sistema zakonov o brake v XX v. i tradicionnye ustanovki [Russian Marriage Law System in the 20th Century and Traditional Patterns]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 4, 69–75. (In Russian)

Kharchev, A. G. (1990). *Brak i sem'ya v SSSR* [Marriage and Family in the USSR]. Moscow: Mysl'. (In Russian)

Kodeks zakonov o brake, sem'e i opeke 1926 g. [Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship of 1926]. Retrieved from <http://wap.praktika.borda.ru/?1-12-120-00000068-000-0-0-1176666001>. (In Russian)

Kollontaj, A. M. (1918). *Sem'ya i kommunisticheskoe gosudarstvo* [Family and the Communist State]. Moscow; Petrograd: Kommunist. (In Russian)

Kollontaj, A. (1921). *Prostituciya i mery bor'by s nej* [Prostitution and Prevention Measures]. Moscow: Gosizdat. (In Russian)

Krupskaya, N. K. (1964). Brachnoe i semejnoe pravo v Sovetskoj Respublike [Marriage and Family Law in the Soviet Republic]. In N. K. Krupskaya, *Iz ateisticheskogo naslediya* [From Atheistic Heritage] (pp. 57–64). Moscow: Nauka.

Laslett, P. (1979). Sem'ya i domohozyajstvo: istoricheskij podhod [Family and Household: a Historical Approach]. In A. G. Vishnevskij, & I. S. Kon (Eds.), *Brachnost', rozhdanost'. Sem'ya za tri veka: sb. st.* [Marriage, Birth Rate. Three Centuries of Family: A Collection of Articles] (pp. 132–138). Moscow: Statistika. (In Russian)

- Lisicyn, A. K. (1923). Voprosu o sem'e i brake (v diskussionnom poryadke) [On the Issue of the Family and Marriage (in Order of Discussion)]. *Kommunistka*, 12, 24–26. (In Russian)
- Mazkovskij, M. S. (1989). *Sociologiya sem'i: Problemy teorii, metodologii i metodiki* [Sociology of the Family: Issues of Theory, Methodology and Technique]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Mazur, L. & Gorbachev, O. (2016). Primary Sources on the History of the Soviet Family in the Twentieth Century: an Analytical Review. *The History of the Family*, Vol. 21, Issue 1. Special Issue: Three Centuries of Northern Population Censuses, 101–120.
- Mehnert, K. (1959). *Sovetskij chelovek* [Soviet Man and His World]. Moscow: Goslitizdat. (In Russian)
- Mihajlova, A. I. (2013). Osmyslenie fenomena odinochestva kak social'nogo yavleniya [Understanding Loneliness as a Social Phenomenon]. *Uchenye zapiski Zabajkalskogo gosudarstvennogo universiteta (ZabGU)*, 4 (51), 90–94. Retrieved from <http://uchzap.ru/ru/journals/587>. (In Russian)
- Narodnoe hozjajstvo SSSR za 60 let (1977): statisticheskij sbornik* [The National Economy of the USSR for 60 Years: Statistical Yearbook]. Moscow: Statistika. (In Russian)
- Naumov, O. V., & Shepelev, V. N. (1986). Materialy Vserossijskoj perepisi chlenov RKP(b) 1922 g. [Materials of CPSU Members Census of 1922]. *Voprosy istorii KPSS*, 4, 48–62. (In Russian)
- Panin, S. E. (2004). Bor'ba s prostituciej v Rossii v 1920-h godah [The Fight against Prostitution in Russia in the 1920s]. *Voprosy istorii*, 9, 113–119. (In Russian)
- Sadler, W. A., Jr., & Johnson, T. B. (1989). *Labirinty odinochestva* [The Anatomy of Loneliness] (N. E. Pokrovsky, Ed., Transl.). Moscow: Progress. (In Russian)
- Shapovalova, Ya. A. (2010). Politika bol'shevikov v otnoshenii sem'i v pervye gody sovetskoj vlasti [Bolshevik Policy Regarding the Family in the Early Years of Soviet Power]. *Obshchestvo: Politika, Ehkonomika, Pravo*, 1, 105–107. (In Russian)
- Sorokin, P. A. (2008). Vliyanie vojny na sostav naseleniya, ego svojstva i obshchestvennyu organizaciju [The Impact of War on the Composition of the Population, Its Characteristics and Social Organization]. In V. V. Anashvili, & A. L. Pogorel'skij (Eds.), *"Ekonomist": izbrannoe*. Moscow: Territoriya budushchego. (In Russian)
- Spisok naselennykh punktov Ekaterinburgskoj gubernii s vazhnejshimi statisticheskimi dannymi i alfavitnym ukazatelem* [List of Settlements of Yekaterinburg Province with the Most Important Statistical Data and an Index]. (1923). Yekaterinburg: Izdanie Yekaterinburgskogo gubernskogo statisticheskogo byuro. (In Russian)
- Tepljakova, T. P. (1983). *Rol' partijnykh perepisej 1922 i 1927 gg. v Ukreplenii ryadov partii* [The Role of the Party Census of 1922 and 1927 in Strengthening of the Party] (doctoral dissertation). Moscow. (In Russian)
- Turton, K. (2005). Revolution Begins at Home?: The Life of the First Soviet Family. *Family and Community History*, 8, 2, 91–104.
- Vishnevskij, A. G. (2008). Evolyuciya rossijskoj sem'i: XX vek: Ot krest'yanskoj sem'i k gorodskoj (prodolzhenie) [The Evolution of the Russian Family. 20th Century: From the Peasant to the City Family (Continued)]. *Ekologiya i zhizn'*, 8. Retrieved from <http://elementy.ru/lib/430651>. (In Russian)
- Volkov, A. G. (1999). Evolyuciya rossijskoj sem'i v XX veke [The Evolution of the Russian Family in the 20th Century]. *Mir istorii*, 4, 47–57. (In Russian)
- Vorob'ev, N. I. (1987). Sem'ya v Nerekhte (K voprosu ob analize sem'i) [Family in Nerekhta (On the Issue of Family Analysis)]. In T. V. Ryabushkin (Ed.), *Sovetskaya demografiya za 70 let (Iz istorii nauki)* [Soviet Democracy for 70 Years (From the History of Science)] (pp. 110–130). Moscow: Nauka. (In Russian)
- Vorob'ev, S. V. (2004). *Social'nyj portret kommunistov Urala nachala 1920-h gg.: Istochnikovedcheskoe issledovanie materialov Vserossijskoj perepisi chlenov RKP(b) 1922 g.* [Social Portrait of the Ural Communists in the Early 1920s: A Source Study Based on Materials of CPSU Members Census of 1922] (doctoral dissertation). Yekaterinburg. (In Russian)